

Феликс Кохрихт

Душа моя Мещанская

Напомню читателям, что в 89 номере нашего альманаха я вспомнил послевоенное детство и последующее отрочество, и юность, проведенные в доме 6 по улице Садовой. Мемории озаглавлены «Голова моя Садовая». Они вовсе не только о нашей семье и даже не обо всех наших соседях, а попытка дать хотя бы субъективно, но непредвзятое определение тем годам.

А сейчас – о квартире 50 в доме на Заславского, 2, угол Чичерина. Как и у большинства наших улиц, их название менялись, и не раз. Мы переехали сюда зимой 1969 года из дома 6 по Якира – тогда окраина и строительная площадка – и жили здесь дольше, чем в других местах.

Свое первое имя Мещанская получила в конце XIX века, и это свидетельствовало о том, что в Одессе несколько изменилась концепция городской топонимики. Разумеется, об этом лучше рассказал бы Олег Губарь, но я постараюсь ничего не перепутать и кратко изложить факты. К тому времени в городе уже были улицы, названные в честь выдающихся личностей, а также констатирующие примат (численное преимущество) той или иной национальности в данной локации. И вот дуэт Княжеской и Дворянской превратился в трио, пополнившись Мещанской, и стал примером сословного принципа. Заметьте, я не привел ни одного примера, памятуя о том, что у каждого одессита свой список знаковых улиц. В 1918 году мещане – скромные трудолюбивые горожане – уступили место на домовых табличках создателю Южнороссийского рабочего союза Евгению Заславскому, и это определение продержалось до XXI века. Лишь недавно улица стала носить имя и фамилию Бориса Литвака. Я, член городской топонимической комиссии, голосовал за это.

К тому времени мы жили в новострое на Якира – в первой самостоятельной квартире. И жили счастливо. Но вскоре возникла необходимость объединиться с Таниной мамой, нуждающейся в опеке. Да и ежедневно добираться до Пушкинской в газету и на Пастера, где тогда располагался факультет РГФ университета, было трудно. Принялись изучать объявления с предложениями обмена и остановились на доме Заславского угол Чичерина – сталинке со всеми присущими ей свойствами. Опытные друзья убеждали нас в неравноценности этого обмена: за две самостоятельные однушки тогда давали трехкомнатные. Но что-то заставило меня позвонить, и мне ответил знакомый голос: я узнал Льва – Люсика Межберга, известного художника, с которым мы встречались на выставках. Разговорились, и в итоге мы с Таней через несколько дней легко шли на пятый этаж и без лифта: были тогда молоды.

Межберг делил квартиру с коллегой – Володей Новаком, и оба мечтали о самостоятельном жилье. Квартира нам понравилась - высокие потолки, просторная кухня, но неожиданно главным для нашего согласия стало то, что соседом Люсика через стену был доктор Джонни Иосифович Майер. Замечательный врач, он сумел найти ключи к мятущейся душе Таниной мамы Натальи Сергеевны и стал для нее непререкаемым авторитетом, а для нас мудрым другом.

Пролетела неделя, и мы уже шли впереди грузчиков, которые, пытая, тащили на верхотуру старинное тяжеленное пианино, на котором Наталья Сергеевна до войны играла Шуберта в четыре руки с юным Светиком – Святославом Рихтером.

Наш дом был построен в конце 50-х, одна из последних в Одессе сталинок – довольно комфортных, но, увы, уже созданных из других материалов. По традиции их населили партийными и советскими работниками, руководителями предприятий, силовиками. Но были и ученые: на два этажа ниже нас жила замечательная женщина – директор глазного института им. Филатова, его ученица Надежда Александровна Пучковская. Я бывал на операциях, которые она проводила, и вот теперь мы пили чай вместе. До Межберга и Новака в нашей квартире жил знаменитый гроссмейстер Ефим Петрович Геллер.

Особо подчеркну, что наши изначально приятельские отношения с Люстиком в процессе обмена квартирами не только не ухудши-

лись, но и переросли в дружбу на всю жизнь. Согласитесь, это случается не часто. Вспомним хотя бы повесть Юрия Трифонова «Обмен».

Однажды Люсик и Ася (его жена, скрипачка) пригласили нас в дом семьи, к которой относились с особым пиететом. Доцент консерватории Раиса Исааковна Ойгензихт и ее супруг Семен Борисович Горовиц, люди весьма продвинутого возраста, жили в общежитии консы. Их быт, по сути, мало чем отличался от студенческого, но в своей импровизированной двушке с кухонькой Раечка (так звали ее близкие и даже ученики) умудрялась готовить удивительные пирожки и заваривать фантастический чай.

Встреча началась сценой, достойной телесериала. Я попытался представиться, но Раиса Исааковна прервала меня: «Феликс Кохрихт, мы знакомы с вами практически всю вашу жизнь...». В коротком пересказе ситуация выглядела так. Страшным летом 1941 года, когда вокруг Одессы сжималось кольцо оккупантов, из него чудом вырвалась группа женщин с маленькими детьми. Среди них были моя мама и я, младенец. И мы пошли по пыльной раскаленной Николаевской дороге, подвергаясь бомбежке и страдая от отсутствия воды. Раиса Исааковна тогда была тоже молодой и вела за руку сына постарше меня. Когда Люсик рассказал ей о своем новом приятеле и назвал мою довольно редкую фамилию, оказалось, что Р. И. тогда, в 41-м, слету запомнила ее, как и то, что мальчишка был огненно-рыжим...

Нужно ли говорить, что мы обнялись, и наша возобновленная дружба длилась еще много лет... Я так много уделяю места этим воспоминаниям потому, что они сыграли в нашей с Таней жизни особую роль. Я впервые увидел своими глазами мою молодую маму, услышал гул самолетов, ощутил запах и вкус цыбули, которую грыз. Она спасла мне жизнь: остальные дети пили воду из луж и умерли от дизентерии, я же уцелел. Таня увидела на старинном хозяйском пианино фотографию симпатичного скрипача, которого хозяева называли Додиком, – великого Давида Ойстраха, который вырос в этой семье и уже много лет присылал в общежитие на Мечникова пластинки с записями своих концертов и фотографии.

А в семье Вербицких-Завалишиных, принадлежавших до войны к тому же кругу одесской музыкальной интеллигенции, кумиром был и оставался Светик – великий пианист Святослав Рихтер.

И он прислал Наташе фотографии и пластинки... Семья Вербицких-Завалишиных, унесенная вихрем войны, оказалась в Германии, где Таня окончила мюнхенскую гимназию и в конце 50-х, ранее, чем ее мама, самостоятельно вернулась в Одессу. У Р. И. и С. Б. она словно оказалась у себя дома. Добавлю, что через несколько лет Таня подарила знаменитое пианино талантливому юноше, учившемуся музыке.

Особым свойством семьи Ойгензихт-Горовиц было то, что буквально каждый вечер здесь бывали Раечкины ученики, многие из которых уже стали известными музыкантами и педагогами. Упомяну лишь две семьи – замечательный тенор Анатолий Дуда и концертмейстер Вера Беляева, которые приходили сюда с сыном Алешей Ботвиновым; супруги Милкис, распределенные после одесской консерватории в Ленинград и ставшие концертмейстерами в знаменитом оркестре Мравинского. В отпуск в Одессу они приезжали с маленьким сыном Юликом, который тоже ходил с ними в гости, где и встречался с Алешей...

Два года назад я брал интервью у знаменитого кларнетиста Юлиана Милкиса (Канада), который только что триумфально выступил в концерте фестиваля «Odessa Classics», задуманного и созданного выдающимся музыкальным деятелем Алексеем Ботвиновым... Знаменательно, что и в нынешнем военном июле маэстро Милкис дал концерт в нашем оперном театре. А на следующий день нам позвонил из Германии Алеша Ботвинов – здесь начинался уже третий выездной концерт фестиваля «Odessa Classics». А ранее были Эстония и Греция.

Таким образом, уникальная традиция терпеливого бескорыстного самоотверженного служения искусству, стремление передать накопленные навыки и способствовать их творческому развитию всегда были и сегодня присущи Одессе. В какой-то степени эти воспоминания по намерению автора должны передать атмосферу, царившую в те странные годы, – вроде «развитого социализма», но и четкого ощущения того, что грядут перемены.

Сейчас я коротко расскажу о том, в каких знаменательных, а то и знаковых событиях культурной жизни Одессы довелось участвовать мне и кто и зачем собирался на Мещанской, 2. Крайне

важным для меня является то, что сейчас вы, пусть фрагментарно, узнаете и о других локациях, где происходили подобные события, способствующие развитию зарождавшегося нового искусства.

Прежде всего – это квартира Евгения и Валентины Голубовских, живших, кстати, по соседству, на Кузнечной, а впоследствии на площади им. Деревянко. Они начали свою просветительскую и культуртрегерскую деятельность раньше нас, и во многом мы шли по их стопам. Олег Соколов – Музей западного и восточного искусства, Сергей Луцик – на Уютной, где красавицы и умницы Литературного музея заканчивали свои вторые университеты. Салон Риты Ануфриевой-Жарковой – «бабушки» одесского концептуализма. Квартира Людэ Ястреб и Вити Маринюка на Мечникова, где собирались члены будущей группы «Мамай», ныне классики отечественного изоискусства. На Петра Великого в Одесском музыкальном училище Николай Голощапов закладывал основы одесской школы джазового образования и формировал свой первый биг-бэнд... Несомненно, я назвал не всех, каждый из вас может дополнить этот список.

Из всех достойных, на мой взгляд, отдельного упоминания событий, которые происходили в нашей квартире, я выберу три.

Создание Одесского джаз-клуба

То, что инициативная группа собиралась, как говорится, через стенку с соседним Треугольным переулком, где родился Леонид Утесов, определяет многое. К тому времени тщаниями руководителя одесской филармонии Юрия Петренко, Николая Голощапова и многих из нас в Одессе уже прошли несколько международных утесовских джазовых фестивалей, а места для встреч с гостями в джазовой тональности, джем-сейшенов, диспутов у нас не было. Возникла идея создания джазового клуба, которую поддержал лидер Объединения молодежных клубов Михаил Бочаров, и клуб вскоре открылся в подвальчике на Дерибасовской по соседству с Летним кинотеатром.

Горжусь дружбой с президентами клуба незабвенными Николаем Голощаповым, Юрием Затворницким, Юрием Кузнецовым.

Чугунная ванна – джем-сейшен – нирвана

Утесовские фестивали привлекали в Одессу звезд отечественного джаза. Среди них были и те, с кем мы подружились настолько, что зачастую после концертов они приходили на Заславского – и вечер продолжался, нередко превращаясь в своеобразные джем-сейшены, спонтанное музицирование. Но все же чаще в беседе на взволновавшую нас тему.

Не стану, просто не смогу сегодня назвать всех выдающихся музыкантов, лидеров уникальных ансамблей. Назову лишь тех, с кем дружба длилась и продолжается многие годы. Алексей Козлов, Николай Левиновский, Леонид Чижик, два блистательных Володи из ГТЧ – Тарасов и Чекасин...

Не стану называть тех, кто симпровизировал этот самый классный и стремный джем в моей жизни. Однажды, когда гости уже собирались домой – по гостиницам (кое-кто остался у нас ночевать), и столпились в коридоре, самый шустрый наконец увидел прислоненную к стене тяжеленную чугунную прохудившуюся ванну. Мы никак не могли дождаться грузчиков... И смелый джазмен сказал примерно следующее: «А давайте, бойс, на бис продолжим джем – вынесем это чудище во двор, и тогда у Феликса и Тани наступит нирвана» (неплохая рифма пришла ему в голову). И вот, пятая и оглядываясь, ребята выползли на площадку и стали нащупывать ногами ступеньки. И двинулись вниз под посвист лидера: «Когда святые в рай идут!». И тут у меня вырвалось: «Если кто-нибудь из вас сейчас споткнется, советский джаз понесет невосполнимые утраты!». Тут же один из маэстро споткнулся, но все обошлось...

Рождение ЦСИ «ТИРС» и Сороса (Одесса)

О том, как Миша Бесчастнов привел к нам своих приятелей – архитекторов, ставших удачными бизнесменами, Семена Калику и Георгия Котова, я уже рассказывал в предыдущем номере в материале «Голова моя Садовая». Они уговорили меня возглавить

первый в СССР частный Центр современного искусства «ТИРС», собрать для него коллекцию. Что я и сделал. И вскоре в Шахском дворце открылось выставочное пространство, где несколько лет экспонировали свои работы в основном художники, которым путь на официальные выставки либо был закрыт, либо значительно затруднен.

Со временем «ТИРС» стал известен за пределами Одессы, благодаря чему из Киева поступило предложение создать в нашем городе Центр современного искусства под эгидой Сороса. Связующим звеном между столицей Украины, Фондом Сороса и нами стал Саша Ройтбурд, тогда очень плодотворный, инициативный и амбициозный художник. Меня пригласили на смотрины в Киев для знакомства с Дж. Соросом и директором Киевского ЦСИ Мартой Кузьмой. Важно, что Сорос выделил средства для открытия своих ЦСИ – по одному в каждой республике СССР, лишь Россия и Украина получили право создать по два центра. Какое-то время я был президентом одесского.

Прошло время, изменилась ситуация в стране, а вскоре мы жили уже в другой... «ТИРС» и ЦСИ Сороса – Одесса, как свидетельствует соответствующая литература и реальная суть вещей, сыграли свою роль в формировании и становлении современного искусства, и не только в нашем городе...

«Телефункен» для Хрущика

В то время как в «ТИРСе» и ЦСИ Сороса шли бурные обсуждения проектов и выставок, довольно часто к нам на Заславского, 2, вечерком забредал Валик Хрущ. Мы пили сваренный Таней специально для него чаек и говорили вовсе не об искусстве... Хрущик с присущей ему врожденной хитрецой и склонностью поторговаться в процессе обменов «кайфика» на «кайфик» пытался склонить меня к ченчу трофейного немецкого радиоприемника «Телефункен» (он торчал на этой марке) на свой неплохой, но все же классом ниже – «Блаупункт». Ему это удалось.

«Он меня бы расстрелял...»

В нашем доме за это время побывало немало гостей, подавляющее большинство которых заслуживает отдельного разговора. Может быть, это когда-нибудь и произойдет, но сейчас – лишь о троих.

1. Скрипач Владимир Спиваков в расцвете таланта и удачи пришел к нам в день, когда официально стал художественным руководителем своего камерного оркестра.

2. Звезда балета Марис Лиела был олицетворением сплина и тоски. Недавно он не по своей воле ушел из труппы Большого театра...

3. Московский режиссер Александр Бурдонский был погружен в свои думы, и в конце беседы я спросил его: «Саша, знаю вас как отнюдь не представителя театрального официоза, а скорее тонкого эстета, сторонника экспериментальных систем режиссуры, словом – вольную душу. Что бы, увидев вас таким, сделал ваш дедушка, Иосиф Сталин?». Бурдонский (сын Василия Сталина) с интересом поднял на меня глаза и моментально ответил: «Он меня бы расстрелял».

Альманах «Дерибасовская – Ришельевская»

Если вы читаете эти строки, то вышел в свет 90-й, юбилейный номер нашего издания, что, поверьте, почти чудо. Это уже второй номер, который выходит без Олега Губаря, после эпидемии ковида, и первый – во время войны.

В конце девяностых Евгений Голубовский, Олег Губарь и я составили редколлегию первого в истории одесского издательского дела полноцветного ежемесячного журнала «Одесса». Он выходил несколько лет и был сражен финансовым кризисом.

В 2000 году с миру по нитке мы собрали деньги и выпустили первые номера альманаха «Дерибасовская – Ришельевская». Откровенно говоря, я полагал, что сил и пороха хватит лишь на несколько выпусков. Однако под эгидой Всемирного клуба одесситов, просвещенных меценатов, бескорыстных авторов

выходим уже двадцать второй год! В последних номерах – непременно Михаил Жванецкий и Юрий Михайлик. По-прежнему публикуем Олега Губаря, наши авторы становятся призерами и лауреатами международных конкурсов.

Дай бог поддержать руках этот – вышедший, а не пригрезившийся мне номер...

Причинно-следственная связь: сейчас она отозвалась...

А была ли она?.. Насчет причин столь долгого удачливого ведения дел в квартире № 50 по улице Мещанская – Заславского – Бориса Литвака можно предполагать... За неимением места остановлюсь сразу на одной, хотя бы в какой-то мере склонной к логике – конспирологической, отчасти мистической, обосную ее следующим примером.

В восьмидесятые годы в одесской филармонии дал концерт легендарный кубинский джазовый ансамбль «Варадеро». Зал грохотал аплодисментами. С трудом пробился за кулисы, взял интервью у музыкантов, видимо, довольно живое и заинтересовавшее их. Я уже прощался, когда лидер ансамбля выразил желание коллектива (шесть человек): сейчас же, немедленно отправиться к нам в гости, выпить вина и спеть вместе. Ошеломленный, я согласился. Таня, услышав это, в ужасе помчалась домой на высоких каблуках по вечерней Одессе, а было уже 22 часа, впереди марширующей колонны, надеясь хоть что-нибудь найти в нашем холодильнике.

Когда мы, отирая блестящие наряды музыкантов о свежую побелку парадной, взобрались на пятый этаж, стол был уже накрыт. И сегодня Таня не может объяснить, откуда что взялось – и выпить, и закусить. После первого бокала гости взялись за свои дудочки и барабанчики и запели «Бесаме мучо». Я подпевал, пуская тирольские рулады.

Чудо состояло в том, что в нашем партийно-хозяйственном доме не распахнулось ни одно окно, не прогремел

командирский бас с проклятиями, а наоборот – раздались аплодисменты.

И только сейчас, спустя десятилетия, я неожиданно вспомнил, что рассказывал мне Губарь: изначально на углу стояла мельница, справно служившая до войны, во время которой сгорела. На ее фундаменте и построили наш дом. В фольклоре, преданиях многих народов издавна существует поверье, что мельницы строились на местах силы. Мельник и мельничиха в этих сюжетах – люди с легкой придурью, себе на уме, с подвохом, ну и способные на неожиданные поступки. Таковы и Прекрасная Мельничиха из вокального цикла Шуберта, который игравали Наталья Сергеевна и Светик на нашем фортепиано, и Суровый Мельник из оперы Даргомыжского «Русалка». Повторю за ним из коварного куплета, несколько переиначив:

Какой я мельник? Я – рыжий ворон!

Это – хоть что-то объясняет.

Полагаю, что факт, который я привел ниже, послужит убедительным доказательством того, что даже не профессия Мельника, не проживание по месту его работы, а лишь вибрации сохранившегося фундамента способны пробудить в современном одессите неожиданную легкость в мыслях и подвигнуть меня на неожиданную авантюру.

Домашний телефон в те годы был большой редкостью – он переходил от жильца к жильцу. В нашем случае – от гроссмейстера Геллера к художникам и, наконец, к нам. Однажды, когда мы еще отмечали бесконечное новоселье, раздался звонок, и взволнованный мужчина вскричал в трубку: «Дорогой Ефим Петрович! Наконец я до вас дозвонился! (Замечу, что гроссмейстер выехал отсюда лет шесть назад.) Так вы подтверждаете, что откроете турнир в Йошкар-Оле и сделаете первый ход-белыми?» – «Разумеется, – моментально ответил я. – Я же вам обещал!» – «Слава богу! Средства нам уже выделили профсоюзы! Все уже съехались. Ждем вас!» – «Завтра вылетаю через Свердловск», – голосом Остапа а Бендера ответил я. Я и был им в этот миг.

– Зачем ты это сделал? – спросила Таня, не терпевшая лжи.

Собирался проиллюстрировать свои воспоминания фотографиями, но понял, что не в состоянии выбрать из множества лишь несколько. Остановлюсь на одном снимке: на нем наши коты тех лет – Апельсин и Лукаша. В клетке – гениальный попугайчик Чико, которого Таня научила читать стихи на немецком языке, а меня так и не сумела

– Ты же слышала: средства уже выделены, и еще Йошкар-Ола, несомненно, заслужила этот турнир.

Заметьте: будущий президент Калмыкии и ФИФА К. Илюмжинов тогда еще ходил в первый класс...

Три личности, на которые уповаю, вижу в них надежду на будущее

По алфавиту:

1. Анна Голубовская – фотограф, выставка ее работ в июле открылась в Милане. Она предложила итальянцам ответить на вопрос: «Что для вас война?».

2. Алексей Петухов – джазмен, дает великолепные благотворительные концерты во Всемирном клубе одесситов и на других площадках.

3. Степан Рябченко – архитектор и художник. Работает над проектами, устремленными в будущее. Скоро увидим.

...Из дома по Мещанской, 2, мы уехали в 2007 году. Нынче, проезжая по Успенской в троллейбусе № 2 или в автомобиле, перед знакомым углом тяну голову в окно, пытаюсь увидеть наш балкон на пятом этаже, но выросший за эти годы платан закрывает его. За эти годы мы ни разу не были в нашем дворе, не подходили к нашему подъезду.

